

И целого мира мало: политическое темной экологии

Александр Вилейкис

Куратор, Центр новой философии (ЦНФ, Москва); сотрудник,
Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный
университет (ТюмГУ). Адрес: 625003, Тюмень, ул. Ленина, 23.
E-mail: alexandro.vileykis@gmail.com.

Ключевые слова: темная экология; Тимоти Мортон;
политическая философия; этика; климатическая теория;
Анри Лефевр; политика пространства; глобальное
потепление; мораль; теория действия; основание.

Темная экология Тимоти Мортон позиционируется как эстетический и этический проект, дистанцированный от политической теории. Затрагивая такие проблемы актуальной политики, как глобальное потепление и климатический скептицизм, работая с фундаментальными для политической философии концептами территории, пространства, действия и солидарности, Мортон описывает свой подход как отстраненное онтологическое рассуждение. Автор данной статьи показывает, что собственные основания проекта темной экологии унаследованы из политической теории, что не только не создает противоречия, но, напротив, при определенных условиях открывает возможность иного взгляда как на экологию, так и на политическое.

Поднимая вопрос о том, каким могло бы быть политическое в мире неопределенности, автор предлагает посмотреть на проект Мортон как

на трактат по политической теории, сосредоточенный на проблеме коллективного действия. Это основной концепт любой политической философии, вокруг которого и строится описание социального порядка. Темная экология отмечает любую возможность действия, акцентируя внимание на неопределенности и невозможности предсказать последствия, но тем самым открывает новые возможности для его концептуализации. Именно неопределенность допускает разделение действия и вины, из-за которой создатель темной экологии и пытается развести ее с политикой. Это разговор о том, как из освободителя Мортон превращается в законодателя, как производится политическая теория параллельно со становлением антропоцена, что произойдет с Левиафаном в эру глобального потепления и как в восприятии политического перейти с онтологических категорий на этические.

ПОЛИТИКА начинается с территории. Пещеры с наскальными рисунками, поля, вспаханные на рассвете времен, — так родился дом. С ним явилось политическое, поставив первую точку отсчета, от которой можно измерять пространство. Отношения между первобытными стоянками и окружающим миром произвели территорию, а с ней — чувство принадлежности, собственности.

Вольный пересказ событий, положивших начало истории, позволяет увидеть первую встречу политики и экологии — чувство дома, сделавшее возможным солидарность, коллективные действия и границы. Пещера разделила мир на свое и чужое, внутреннее и внешнее, став фундаментом первобытного суверенитета. Пространство перестало быть нейтральным ландшафтом: теперь это действующее лицо, обладающее своими характеристиками и свойствами. Так, при свете доисторического костра политическая теория и экология родились вместе, о чем часто забывали впоследствии.

Темная этика

Тимоти Мортон описывает темную экологию как исключительно онтологический проект, максимально дистанцированный от политического¹. С его концептуализацией природы ставится под вопрос сама возможность действия. Проблематизируя границы объектов, отсылая к их неопределенности и нестабильности, Мортон предлагает заменить действие (*action*) влиянием (*influence*)², что на первый взгляд позволяет ему избежать упреков в радикальном релятивизме и скептицизме, утверждая в то же время свою теорию как аполитичную. Устранив прямое действие между объектами, а вместе с ним разнообразные формы коллективных практик, он при этом не выглядит как радикальный солипсизм,

1. См., напр.: *Morton T. Ecology Without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics*. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2007. P. 140–141, 149.
2. См., напр.: *Idem. Humankind: Solidarity With Nonhuman People*. Brooklyn: Verso Books, 2017. В особенности см. перевод главы *Spectres* под названием «Род человеческий: солидарность с нечеловеческим сообществом» в настоящем номере «Логоса».

устраняя политическое, но сохраняя реальность глобального потепления. На первый взгляд это действительно ход, позволяющий создать онтологию в чистом виде. Нестабильные объекты, которые не подчиняются законам категорий или качеств, оказывающие влияние на человека, само тело которого (как и мысли, если говорить радикальнее³) является таким же размытым. Сложности начинаются, если присмотреться внимательнее.

Мы не можем отрицать глобальное потепление, потому что оно оказывает огромное влияние на человеческую повседневность, но в то же время не можем обозначить его точные последствия (как и последствия действий по борьбе с ним). Климат — слишком большой объект, чтобы быть схваченным человеческим восприятием⁴. Мортон называет подобных гигантов *гиперобъектами*, указывая на колоссальный размер, превосходящий возможности человеческого воображения⁵. Впрочем, как отмечает Леви Брайант⁶, у *гиперобъекта* нет значимых отличий от любого иного. Он просто действительно большой. По сути, *гиперобъект* — это лишь красивый образ, показывающий, как работают любые объекты.

Нет качественной разницы между атмосферой Земли и прикроватной тумбочкой. Обе состоят из большого количества элементов (каждый из которых является сложным объектом⁷), обе обладают собственной темпоральностью, обе влияют на иные элементы экологии. Только атмосфера достаточно велика, чтобы при столкновении с ней человек заметил *странность* (*weirdness*) и почувствовал себя внутри *петли* (*loops*) — категории, любимые Мортоном. Действительно, отдельный наблюдатель не может указать, с какой стороны он находится по отношению к атмосфере:

3. Это общее место у Тимоти Мортон и Юджина Такера; см., напр.: *Такер Ю. Ужас философии: В 3 т. Пермь: Гиле Пресс, 2017. Т. 1. В пыли этой планеты. С. 15.*
4. *Morton T. Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2013. P. 1–2, 27.*
5. Представить абстрактную бесконечность не сложно, а вот последовательное существование в течение тысячи лет — невозможно, так как для этого потребовалась бы как минимум тысяча лет. Однако это не проблема для урана или иных элементов. Это один из излюбленных способов Мортон рассказывать о гиперобъектах (*Ibid.* P. 60).
6. *Gratton P. et al. Interviews: Graham Harman, Jane Bennett, Tim Morton, Ian Bogost, Levi Bryant and Paul Ennis // Speculations. 2010. № 1. P. 84–134.*
7. Со схожей проблемой сталкивается Мануэль Деланда в своей теории ассамбляжей. Кроме человеческого произвола, он не предполагает каких-то способов отделять одни ассамбляжи от других (*De Landa M. Assemblage Theory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 108–110*).

она окружает, находясь одновременно вовне и внутри. Это верно и для тумбочки, если изменить перспективу с человеческой на муравьиную. Для насекомого тумбочка является столь же странным и множественным объектом, как для людей атмосфера Земли. Как же тогда можно говорить об объектах как о чем-то отдельном, если границы размываются до предела? Тело — часть атмосферы, как и тумбочка, но и атмосфера, в свою очередь, часть Солнечной системы, или тумбочки побольше.

Гиперобъект подталкивает нас к первой проблеме мира, построенного Тимоти Мортонем: чтобы не превратиться в климатического скептика, говорящего о равной возможности любых событий, разрешая таким образом любой произвол, границы оказываются необходимы. По крайней мере, чтобы наделить реальностью одни объекты, отказывая в ней другим. Глобальное потепление реально потому, что оно оказывает влияние на многие процессы человеческой повседневности. Его *призраки (spectres)*⁸ проникают в умы климатических теоретиков, философов, политиков и уборщиков улиц. Оно делает московское лето пыльным и жарким, вынуждает хипстеров делить фонтаны с празднующими десантниками. Потепление создает тонкости в озоновом слое планеты, фиксируемое одновременно через лаборатории, снимки с телескопов и вымирание некоторых животных. Почему это является следствием (или частью, говоря языком Мортоня) глобального потепления, а не, скажем, божественного замысла? Почему мы отказываем в реальности одним большим объектам в пользу других? Что мешает вышперечисленным событиям быть следствием действия селестиальных сил или вызываться новым видом черной дыры, еще не фиксируемым современной наукой? Мортон предлагает прагматический ответ: реальность такова потому, что она фиксируется нашим опытом, потому что она оказывает *влияние*, потому что она *действует*.

Мортон размывает границы только на уровне взаимодействий объектов, однако сохраняет иерархию реальности, в которой глобальное потепление стоит выше, чем, скажем, пришествие Ктулху. Политическое уже проявилось в темной экологии, только вместо наделения правом действия человеческих акторов оно работает реверсивно. Здесь действуют все, кроме людей. Точнее, их действие описывается в терминах влияний, как и все остальные. Выглядит как торжество плоской онтологии? Отказ от человеческой исключительности? Равноправие с вещами? Горизонтальность онтологии Мортоня схлопывается практически моментально, стоит

8. См. определение призраков в «Роде человеческом» Тимоти Мортоня.

только посмотреть на нее под другим углом. Реальность опознается через силу объектов: чем мощнее влияние, тем большим правом на существование обладает каждый объект. В мире Мортон Ктулху бессилён потому, что он никак не проявляет свое присутствие, в отличие от глобального потепления, отголоски которого встречаются повсеместно. Учитывая, что финальное суждение остается за человеческим наблюдателем, темная экология не сильно отличается от взглядов Бруно Латура в «Об интеробъективности»⁹. Работы Мортон — трактат о том, какие суждения люди имеют право выносить, а на какие наложен моральный запрет. Глобальное потепление — да, климатический скептицизм — нет. Радиация — да, порча — нет. Темная онтология — это сложная онтологическая машина, которая позволяет признавать одни суждения более правдивыми, чем другие.

Даниил Аронсон в своей работе¹⁰ разумно предлагает сделать следующий шаг — вынести вопросы признания объектов реальными на светлый суд парламента. Заменить единственного сумрачного наблюдателя группой людей, производящих совместные суждения. Против этого Мортон, скорее всего, взбунтуется. В его онтологической политике коллективное действие как способ производства общих понятий и действий — это ситуация, схожая с греческой трагедией, где героя вынуждают признать определенную последовательность событий как собственную судьбу¹¹. Коллективная, человеческая солидарность претит философу, он отказывает ей в реальности потому, что она редуцирует *странные размытые объекты* до понятных элементов феноменального мира, которые, возможно, и обладают скрытыми сторонами, но при этом действуют.

Мир Мортон не настолько языческий (или пантеистический), как кажется на первый взгляд. Вместо того чтобы наделять объекты реальностью через коллективную веру в них, он вводит понятие не-человеческой солидарности (или солидарности с не-людьми), индивидуальное для каждого¹². Это уже не испытание общих чувств или разделение коллективного пространства, но мир, населенный людьми-монадами, верящими в то, что окружающее их пространство изменчиво и непознаваемо.

9. Латур Б. Об интеробъективности / Пер. с англ. В. Вахштайна, А. Смирнова // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 79–96.

10. См. статью Даниила Аронсона «Климатическая неопределенность и подсветка для темной экологии» в настоящем номере «Логоса».

11. Morton T. Humankind: Solidarity With Nonhuman People.

12. Ibidem.

Если бы действие «Американских богов» Нила Геймана¹³ происходило в мире темной экологии, то значение имела бы только индивидуальная вера героя, от лица которого идет повествование. Коллективные практики, кровавые жертвы и древние договоры совершались бы только для одного человека, чью точку зрения разделили читатели, без какой-либо, даже минимальной, дистанции. Здесь Мортон достаточно последователен. В лекциях о теории литературы¹⁴ он отмечает, что взгляд от третьего лица, появившийся в текстах эпохи романтизма, позволяет наделить читателя божественной точкой зрения на окружающий мир. Выступая против этого, темная экология отказывает наблюдателю в праве смотреть сверху. Человеческий актер оказывается привязан к своему опыту, но лишь для того, чтобы постоянно фиксировать глобальность или не-локальность окружающих его феноменов. Теперь он не может охватить вещи в целом, но закономерно вынужден полагать, что они на самом деле больше, чем кажутся. Такая пассивность, травматичное признание власти объектов¹⁵ — именно то, что темная экология предлагает на замену классической политической теории. Каждое существо должно быть открыто внешнему, чтобы быть травмировано миром. Оно не может предсказать последствий собственных действий (или найти точку опоры), чтобы выстроить устойчивые отношения с другими объектами, что вынуждает его существовать в одиночестве.

Реальность темной экологии — солидарность, выражаемая в индивидуальном и молчаливом согласии на отказ от общих понятий и коллективности в прагматическом смысле. Сообщества с не-людьми — это сборки, где остается единственный, обвиняющий сам себя судья — наблюдатель (так как только его опыт нам доступен), перед которым лежит свод законов мира ненасильственного сосуществования. Мортон преодолевает политическое как коллективное, оставляя его на откуп моральным догматам о степенях реальности и понятию о том, что быть травмированным лучше, чем травмировать окружающий мир. Вместо коллективной политики философ предлагает индивидуальную. Неопределенность становится инструментом, который не позволяет собрать человеческие сообщества, так как они вынужденно стремятся к обобщению по-

13. Гейман Н. Американские боги / Пер. с англ. А. А. Комаринец. М.: АСТ Москва, 2010. С. 477.

14. Morton T. Romantic Disaster Ecology: Blake, Shelley, Wordsworth // *Romantic Circles Praxis Series*. 2012. URL: <https://romantic-circles.org/praxis/disaster/HTML/praxis.2012.morton.html>.

15. См., напр.: Morton T. *Dark Ecology: For a Logic of Future Coexistence*. N.Y.: Columbia University Press, 2016. P. 128–136.

нятий, что редуцирует *странность* каждого объекта до общепринятых категорий. Проект Мортонa — это предельно индивидуалистическая «этика», выстраиваемая, однако, через моральные законы верховенства неопределенности и нестабильности. Даже в своей основе темная экология остается политической, просто скрывает это за рассуждениями о борьбе с антропоцентризмом. Впрочем, это не единственный элемент политической теории в теории Мортонa.

Четыре всадника антропоцена

Раскрывая понятие антропоцена в контексте темной экологии, философ указывает на три значимые точки: первые земледельцы, промышленная революция, атомное оружие. Для Мортонa все они важны потому, что изменяют отношение человека к окружающему его миру. С одной стороны, это этапы укоренения человечества в мире, но каждый из них скрывает нестабильности, открывая лакуны, через которые странности проникают в порядок повседневных интеракций.

Когда люди начали засеивать землю, они тем самым создали первые тексты. Расчертив пространство, утвердили собственное господство. Пусть это минимальное влияние на планету в целом, однако оно качественно отличается от охоты или собирательства. Для Мортонa различие находится в том, что пастбища — это письмо, которое позволяет создавать текст человеческого закона на теле земли.

Земледелие делает человечество оседлым, позволяет ему поставить точку в мире, из которой произойдут все дальнейшие измерения. Отношения с соседними племенами, примитивная география появляется вместе с территорией, производимой запахом доисторического костра и рисунками мамонтов на стенах пещеры. Дом не только рождает примитивный суверенитет, но и производит ресурсы. Этот концепт, как и домашнее в целом, не затрагивается самим Мортонем, но широко описан в литературе, к которой он косвенно обращается: Анри Лефевром¹⁶ и его предшественником — Гастоном Башляром¹⁷. В чем различие между животным, живущим в лесу, и мясом, заготовленным в пещере? Когда что-то попадает в дом (не обязательно физически), оно становится ресурсом: обретает универсальность, ценность, потенциал к обмену.

16. Лефевр А. Производство пространства // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 27–29.

17. Башляр Г. Поэтика пространства. М.: Ad Marginem, 2014.

Принимая во внимание экономику кредита и реципрокные отношения первобытных сообществ, где не существует бартерной системы обмена, а услуги, как и ресурсы, оказываются в некоторой форме первобытного коммунизма¹⁸, мы все равно полагаем, что вещь обретает универсальные свойства, попадая в дом. Дело не в том, что ценность можно (или, скорее, нельзя) измерить, а в том, что появляются инструменты первичной категоризации, с которыми приходит и чувство справедливости. Важен не факт обмена или сопоставления с другими объектами, который станет универсальным только с приходом империй, но возможность классификации. Вещь становится ресурсом; так появляются множества, что лишает их не только уникальности, но и возможности избежать присвоения, узнавания в других объектах того же типа. Так дом пускает корни во внешний мир — через своих посредников, встречающихся повсеместно. Построив жилище однажды, человечество начинает воспроизводить его раз за разом, распространяя собственные территории в неизведанные земли: от берегов Нового Света до глубин собственного организма. Простой концепт ресурса, являющийся одним из основных элементов политического (вокруг него выстраивается конкуренция, борьба или эксплуатация), в такой же степени относится к экологии, как и к политической теории.

Второй значимой датой для антропоцена является начало промышленной революции. Фабрики, массовое производство, общественный транспорт начинают влиять на атмосферу Земли. Философ видит в этом влияние человека на такой гиперобъект, как планета в целом. Если раньше люди действовали в рамках отдельных участков пространства, то теперь последствия их активности можно проследить по всему земному шару. Именно это можно считать датой окончания существования политического суверенитета в чистом виде. До промышленной революции государство обладало пусть умозрительной, но возможностью изоляции от внешнего мира и установления абсолютного закона на собственной территории. Суверенная власть была реальностью, о государстве говорили как о теле, организме, механизме или экосистеме. Промышленные выбросы в атмосферу влияют на весь мир в целом. Каждое отдельное государство с тех пор не может отгородиться от влияния других. Жители стран первого мира чувствуют устаревшие заводы развивающихся экономик. Климат начинает меняться, и сейчас на это влияет человек. Сложно сказать, какова доля человечества в общей копилке факторов, но она точно

18. См., напр.: *Грэбер Д.* Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ad Marginem, 2015.

есть. Государства утратили право на суверенный локальный порядок; по крайней мере, в него вмешиваются каждую секунду, без согласия, разрешения или даже ведома местных властей. Одержимому паранойей суверену стоит буквально арестовать воздух: он наполнен вражескими лазутчиками в намного большей степени, чем самый коррумпированный совет или клуб аристократов.

Третьим элементом становления антропоцена является применение атомного оружия. С момента первых ядерных испытаний радиоуглеродный анализ перестает быть точным, так как в геосфере Земли остаются неизгладимые следы, оставленные человеком.

Что это значит для экологии? Цивилизация окончательно вступает в эру антропоцена, человечество является одним из акторов, влияющих на продолжительные процессы в истории планеты. Несмотря на то что возраст существования людей (даже по самым оптимистичным оценкам) не может быть сопоставим с возрастом Земли, люди оставили неизгладимые следы на теле планеты. Важно не впадать в экологический алармизм, говоря о том, что человечество губит природу, а конец уже близко. Это просто изменения. Мы не знаем, к лучшему они или к худшему, и, более того, вряд ли сможем достоверно узнать. Мортону важно зафиксировать их наличие¹⁹.

Что это значит для политической теории? Время локальной истории прошло. Теперь, когда геологический возраст объектов подвержен изменениям, сама по себе хронология не может дать даже иллюзию объективности. На темпоральный порядок влияют элементы окружающей среды, среди которых есть и действия человечества. Время — такой же продукт цивилизации, как территория или пространство планеты в целом.

Несмотря на убеждение Мортон в том, что темная экология — это разговор о солидарности с не-человеками, эстетический и этический проект, исключаящий любой политический порядок, мы видим, что все ключевые элементы темной экологии имеют и политическую сторону. *Странность* от столкновения с феноменами антропоцена заключается в различии между их политической и экологической сторонами. Точнее, в том, что демонстрируется лишь различие между реальным нестабильным миром и человеческими действиями в нем, не учитывающими, что сами категории политического могут мутировать соразмерно внешним объектам.

Что остается в сухом остатке? Тимоти Мортон предлагает индивидуальную «этическую» картину, выстроенную на моральных догматах о природе реальности и основанную на необходимости заметить

19. Morton T. Hyperobjects. P. 33.

антропоцен. Говоря о новом подходе к восприятию природы, философ предлагает этику аутоотравматизма, обреченную безмолвно испытывать влияния окружающего мира. Но что если попробовать совместить этику и политику? Какой будет четвертая точка в становлении антропоцена? Как человечество сталкивается с размытым миром?

Старик Левиафан

В фильме Ричарда Шенкермана «Человек с Земли: голоцен»²⁰ бессмертный ранее герой начинает стареть. Существовая со времен первых людей до XXI века, он не мог умереть и наблюдал жизненный цикл человечества: от первых пещер, первой грозы, первой охоты и первых богов до преподавания в американских университетах второй половины XX столетия. Когда, встречаясь с посвященным в тайну бессмертия другом, он говорит, что придумал название своего вида — «Человек голоцена», собеседник замечает, что ученые думают о наступлении новой геологической эпохи — антропоцена. Тогда бывший бессмертный отвечает, что понимает, почему начал стареть.

Это точный образ политической теории, наконец-то заметившей размытость окружающего мира. Левиафан обнаружил, что не понимает не только как он устроен, но и почему существует и куда движется. Вместо того чтобы быть сраженным народом и пересобранным заново, он умирает от старости. Не потому, что испортился, стал неэффективным или тираническим, а потому, что обнаружил себя метафорой, живущей в вакууме, как койот из мультиков, который остается стоять в воздухе, пока не посмотрит вниз.

Со смертью Левиафана политическая теория не погибает, но становится другой, воспринимающей нестабильность не как обстоятельство, с которым приходится мириться, а как собственное основание. Темной экологии, аналогично, придется изменить себя, чтобы стать политической.

В текущем состоянии мы видим две альтернативы: сосуществование со странными объектами каждого человека в отдельности, выстроенное в соответствии с законами темной экологии, либо очередной парламент вещей, повторяющий замысел Латура. В первом случае финальное суждение остается за догматами, а во втором — за коллективными практиками. Проблема каждой альтернативы в том, что это варианты классических доктрин политической философии, использующих в качестве инструмен-

20. The Man from Earth: Holocene // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/The_Man_from_Earth:_Holocene.

тов собственной легитимации другие ресурсы. Какой тогда может быть политическая теория темной экологии?

В третьей части книги *Dark Ecology* Тимоти Мортон обращается к концепту игрушек (*toys*)²¹. Для него это эстетический образ, однако он передает важный элемент возможной политики в мире, построенном на неопределенности: беззаботного действия, основанного на интересе, но не на страхе последствий. Подобный подход позволяет сохранить политическое в качестве коллективного, избавив его от правительственной заботы, а вместе с ней от разных форм страха и беспокойства, на которых она паразитирует. Неопределенность, взятая за основу, открывает потенциал к разного рода экспериментам, так как подогревает интерес к последствиям каждого действия, притом что вина перестает быть обязательным условием действия.

Элементы политической теории обычно направлены на онтологическую консервацию определенного порядка, что позволяет не только описывать текущую ситуацию, но и предполагать ее развитие. Так как категориальный аппарат, о котором мы говорили выше, изменяется вместе с окружающим миром (история антропоцена), это в большинстве случаев ему удается. Темная экология рискует стать таким же способом фиксации внешних изменений, если не попытается осознать свои политические основания, моральные доктрины и догмы.

Представление о пространстве политического как игре или театральной постановке отнюдь не ново, но оно позволяет сделать вид, что все не настолько серьезно, как кажется в мире повседневности, и стать свободнее в действиях. Чтобы изменить политическое, не нужно отказываться от концепта действия, достаточно лишить его вины. Речь не о том, чтобы перестать ощущать ответственность за пространство политического или за изменения окружающей среды, но напротив — признать эту ответственность и не пытаться избежать последствий, сменив страх на интерес. Они все равно наступят, и лучшим вариантом будет не страх игрока в «Сапера», но взгляд на мир глазами первооткрывателя. Неопределенность здесь уже не моральный догмат (как и иерархия разных объектов, как и моральный индивидуализм), но открытое допущение, которое предлагается разделить.

Вместо бегства от коллективного подобная этика размытого мира предлагает воспринимать окружающие объекты с интересом, как возможные источники влияния. Вслед за Мртоном отказаться от идентичности как судьбы трагического героя, но вопреки ему — отказаться от построения иерархий реальности, ситуатив-

21. *Idem.* *Dark Ecology.* P. 140–155.

ности силовых сборок и индивидуальной одержимости призраками нескольких объектов, как и от страха совершать действие. Образом подобного проекта мог бы быть калейдоскоп, когда разные объяснительные модели (или разные *гиперобъекты*) подкладываются под одну и ту же ситуацию, которая обзревается с разных сторон. Такая политика не освобождает от человеческих категорий, но предлагает перестать чувствовать вину за их *человечность*.

Через одновременное существование разных перспектив исчезает сама возможность установления иерархий, а вместе с ней и вера в правильность какой-то объяснительной модели. Впрочем, это не может быть и простым прагматизмом, говорящим о том, что для каждой ситуации необходимо найти наилучшую логику и действовать сообразно.

Этика размытого мира — это этика постоянного напоминания о том, что на каждое действие есть множество взглядов, не контролирующих, но заинтересованных, и каждый не охватывает картины в целом. Пусть они и не пересекаются напрямую, но действия каждого отражаются в каждом, хотя и по-разному.

Библиография

- Башляр Г. Поэтика пространства. М.: Ad Marginem, 2014.
- Гейман Н. Американские боги. М.: АСТ Москва, 2010.
- Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ad Marginem, 2015.
- Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 79–96.
- Лефевр А. Производство пространства // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 27–29.
- Такер Ю. Ужас философии: В 3 т. Пермь: Гиле Пресс, 2017. Т. 1: В пыли этой планеты.
- De Landa M. Assemblage Theory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016.
- Gratton P., Harman G., Bennett J., Morton T., Bryant L., Ennis P. Interviews: Graham Harman, Jane Bennett, Tim Morton, Ian Bogost, Levi Bryant and Paul Ennis // Speculations. 2010. № 1. P. 84–134.
- Morton T. Dark Ecology: For a Logic of Future Coexistence. N.Y.: Columbia University Press, 2016.
- Morton T. Ecology Without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2007.
- Morton T. Humankind: Solidarity With Nonhuman People. Brooklyn: Verso Books, 2017.
- Morton T. Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2013.
- Morton T. Romantic Disaster Ecology: Blake, Shelley, Wordsworth // Romantic Circles Praxis Series. 2012. URL: <http://romantic-circles.org/praxis/disaster/HTML/praxis.2012.morton.html>.
- The Man from Earth: Holocene // Wikipedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/The_Man_from_Earth:_Holocene.

THE WORLD IS NOT ENOUGH: A POLITICAL DARK ECOLOGY

ALEXANDER VILEYKIS. Curator, Center for New Philosophy (CNPh, Moscow);
Fellow, Institute of Social Sciences and Humanities, alexandro.vileykis@gmail.com.
Tyumen State University (UTMN), 23 Lenin str., 625003 Tyumen, Russia.

Keywords: dark ecology; Timothy Morton; political philosophy; ethics; climate theory; Henri Lefebvre; politics of space; global warming; morality; theory of action; grounding.

Timothy Morton's dark ecology is positioned as an aesthetic and ethical study which is far removed from political theory. Although Morton touches upon actual political crises connected with global warming and on climate change skepticism and also deploys such fundamental concepts of political philosophy as territory, space, action and solidarity, he describes his approach as ontological rather than political. The author finds that dark ecology's own foundations have been inherited from political theory. However, that does not make it inconsistent; on the contrary, under the right conditions it enables a different apprehension of both ecology and political philosophy.

The author asks how politics would proceed in a world of uncertainty and proposes viewing Morton's theory as a treatise on a political theory that addresses the problem of collective action. This is the main concept of any political philosophy out of which its description of the social order is constructed. Dark ecology denies any possibility of action by emphasizing uncertainty and the impossibility of predicting an action's consequences, and this opens up new possibilities for conceptualizing action. It is precisely uncertainty that permits segregating action from the guilt that motivated Morton to divorce dark ecology from political philosophy. This is a narrative about the transformation of Morton the emancipator into a law-giver, about how political theory has evolved in parallel with the onset of the Anthropocene, about what will happen to the Leviathan in the age of global warming, and how to change the perception of the political from ontological categories to ethical ones.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-5-103-114

References

- Bachelard G. *Poetika prostranstva* [La poétique de l'espace], Moscow, Ad Marginem, 2014.
- De Landa M. *Assemblage Theory*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2016.
- Gaiman N. *Amerikanskie bogi* [American Gods], Moscow, AST Moskva, 2010.
- Graeber D. *Dolg: pervye 5000 let istorii* [Debt: The First 5000 Years], Moscow, Ad Marginem, 2015.
- Gratton P., Harman G., Bennett J., Morton T., Bryant L., Ennis P. Interviews: Graham Harman, Jane Bennett, Tim Morton, Ian Bogost, Levi Bryant and Paul Ennis. *Speculations*, 2010, no. 1, pp. 84–134.
- Latour B. Ob interob'ektivnosti [On Interobjectivity]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2007, vol. 6, no. 2, pp. 79–96.
- Lefebvre H. Proizvodstvo prostranstva [La production de l'espace]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2002, vol. 2, no. 3, pp. 27–29.
- Morton T. *Dark Ecology: For a Logic of Future Coexistence*, New York, Columbia University Press, 2016.
- Morton T. *Ecology Without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics*, Cambridge, MA, London, Harvard University Press, 2007.

- Morton T. *Humankind: Solidarity With Nonhuman People*, Brooklyn, Verso Books, 2017.
- Morton T. *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World*, Minneapolis, London, University of Minnesota Press, 2013.
- Morton T. Romantic Disaster Ecology: Blake, Shelley, Wordsworth. *Romantic Circles Praxis Series*, 2012. Available at: <http://romantic-circles.org/praxis/disaster/HTML/praxis.2012.morton.html>.
- Thacker E. *Uzhas filosofii: V 3 t.* [Horror of Philosophy: In 3 vols], Perm, Hyle Press, 2017, vol. 1: V pyli etoi planety [In the Dust of This Planet].
- The Man from Earth: Holocene. *Wikipedia*. Available at: http://en.wikipedia.org/wiki/The_Man_from_Earth:_Holocene.